

Это личное!

Юлия
Волкодав

#триумвират
время
волка

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В67

Серия «Это личное!»
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Волкодав, Юлия
В67   **Время Волка / Юлия Волкодав.** — Москва: Издательство АСТ, 2021. — 446 с. (Это личное!)

ISBN 978-5-17-137359-7

В жизни певца Леонида Волка всё давно устоялось, год расписан на концерты и гастроли, корпоративы и «огоньки». Но одно событие вдруг выбивает его из привычной колеи и заставляет вспомнить и переосмыслить всю долгую жизнь — от детства в послевоенном Сочи до выступлений в кабульских госпиталях. Он всегда играл навязанную роль советского певца, но сможет ли в итоге выбрать себя?

Цикл Ю. Волкодав «Триумвират советской песни. Легенды» — о звездах советской эстрады. Три артиста, три легенды. Жизнь каждого вместила историю страны в 20 веке. Они озвучили эпоху, в которой жили. Но кто-то пел о Ленине и партии, а кто-то о любви. Одному рукоплескали стадионы и присылали приглашения лучшие оперные театры мира. Второй воспел все главные события нашей страны. Третьего считали чуть ли не крёстным отцом эстрады. Но все они были просто людьми. Со своими бедами и проблемами. Со своими историями, о которых можно писать книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-137359-7

© Юлия Волкодав, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Все герои вымышлены, все совпадения случайны

— Докладывайте, лейтенант Ольховский.

Старший следователь Михайлюк привалился к стене, скрестив руки на груди и глядя на молодого коллегу без особой надежды на внятный доклад. Но Ольховский, даром что от волнения покраснел, зачастил на редкость бойко.

— Вызов поступил на пульт дежурного в двадцать два ноль семь. В двадцать два двадцать мы уже были на месте происшествия. По прибытии обнаружили труп женщины. Русская, волосы рыжие, рост...

— Дальше! — перебил его следователь. — Я и так вижу, что она рыжая.

Разговор происходил на кухне, посреди которой лежал уже обведённый мелом труп рыжеволосой женщины в луже крови.

— Мы установили личность убитой. Елизавета Петрашевская, двадцать пять лет, не москвичка. Приехала в Москву предположительно три месяца назад из Сызрани. Квартиру снимала.

— Ближе к делу, — снова перебил Михайлюк.

— Проникающее ножевое ранение в область живота. На месте преступления был задержан мужчина шестидесяти четырёх лет, русский, худощавого телосложения, глаза серые, волосы пепельные, одет...

Старший следователь досадливо поморщился от ненужных подробностей, и лейтенант Ольховский спешно подсократил рассказ:

— Подозреваемый предположительно находился с убитой в сексуальной связи.

— Чего? — рявкнул на него следователь. — Ты совсем охренел, Ольховский? Ему шестьдесят четыре, ей двадцать пять. Какая сексуальная связь?! Сосед по пьяни зарезал! Или отец — на бутылку деньги вымогал. Личность подозреваемого установлена?

— Установлена, — пролепетал лейтенант. — Я ж потому и говорю... Подозреваемый — Волк Леонид Витальевич.

— Кто?! Это который поёт, что ли?

— Ну да. Народный артист Леонид Волк. Когда мы приехали, он сидел вот тут, на табуретке, с ножом в руках. Взяли, так сказать, с поличным.

Михайлюк потряс головой. Бред какой-то. Леонида Волка он отлично знал. Да кто его не знает? Как какой праздник, так он из каждого телевизора поёт. Михайлюку самому скоро полтинник, но ему казалось, что и его детство прошло под песни Волка. Один раз Михайлюк его даже живьём видел, ему тогда на службе выдали приглашение на торжественный концерт ко Дню милиции в Кремле, и они с женой ходили. Волк три песни спел, кажется, одна душевная такая, про милицейские будни. В общем, образ всегда улыбающегося, обаятельного певца в белой рубашке, смокинге и бабочке совершенно не вязался с типовой девятиэтажкой в Бутово, где они сейчас находились. С этой тесной кухней, на полу которой был распостёрт труп вполне заурядной девицы. С алкоголиками в пропахшем кошками подъезде и лифтом с сожжёнными кнопками. Словом, Михайлюка раздирали такие противоречия, что он рявкнул на сержанта громче, чем хотелось бы:

— И где твой подозреваемый?

— В комнате. Его Иваненко допрашивает.

Второй оперативник — ещё моложе и, по мнению Михайлюка, ещё бестолковее — действительно пытался допрашивать подозреваемого. И подозреваемым действительно был Волк. Не узнать его было невозможно. Даже тут, в декорациях, весьма далёких от сценических, он стоял в шёлковой, с иголки, рубашке и брюках с безупречными стрелками. Вот только и рубашка, и брюки были перепачканы кровью, а на лице народного артиста не осталось и следа обычного благодушия.

Он затравленно озирался по сторонам и безуспешно пытался закурить, но никак не мог совладать с зажигалкой.

— Так вы говорите, что приехали сюда после концерта? — допытывался Иваненко.

— Да. — Певец снова щёлкнул зажигалкой. — У меня был сольный концерт в Доме музыки. Светлановский зал, ни одного свободного места.

У него заметно тряслись руки, видимо, от волнения. Михайлюк подошёл и молча протянул коробок спичек.

— Спасибо. — Волк посмотрел на него с благодарностью, поджёг сигарету, затянулся.

— Продолжайте, продолжайте, — кивнул Михайлюк оперативнику.

Но Иваненко присутствие старшего по званию сбило с нужной волны, и он задал абсолютно глупый вопрос:

— А это кто-нибудь может подтвердить?

Волк подавился дымом, закашлялся.

— Чёрт, я вообще-то не курю. Молодой человек, в Светлановском зале тысяча семьсот мест. Подсчитайте, сколько людей меня там видели. И слышали.

— Ну хорошо, а что было потом?

— Потом я поехал сюда.

— Зачем?

Волк медленно затянулся, медленно выдохнул дым в открытую форточку. Его потряхивало, было заметно, что ему сто́ит больших усилий держать себя в руках и отвечать спокойно.

— Видите ли, — наконец проговорил он, — нас с Лизой связывали деловые отношения.

На слове «Лиза» он совсем побледнел, перевёл взгляд на свою рубашку и теперь сосредоточенно рассматривал её, будто только сейчас увидел, что в крови с головы до ног. И осознал, в чьей именно крови.

— Дальше, — потребовал оперативник. — Вы приехали, и что было дальше?

— Дверь оказалась открытой. Я вошёл, позвал её, она не отзывалась. Прошёл на кухню, и тут она... На полу...

— Вас застали с ножом в руке.

— Я думал, она ещё жива! Я хотел ей помочь и вытащил нож. Вы... Вы мне не верите? — вдруг осёкся певец. — Вы считаете, что это я...

Он вдруг поморщился и потёр левую половину груди. Михайлюк решил вмешаться. Всё-таки заслуженный человек, да и в возрасте, не стоит с ним так.

— Леонид Витальевич, мы ничего не считаем, — мягко проговорил он, беря Волка под локоть. — Но вам нужно будет проехать с нами в отделение. До выяснения, так сказать.

— Что тут выяснять! Ох, ты ж... Здесь где-то моя борсетка была. Ваши ребята её забрали. Там таблетки, от сердца, могу я...

— Конечно, конечно, Леонид Витальевич. Сейчас вернём вам ваши таблетки. Пройдёмте в машину.

* * *

— Вы с ума сошли? Я не буду ничего подписывать!

Только теперь, после почти часа долгих разговоров и кружения вокруг да около, Волк понял, чего от него добивается следователь. И пришел в ужас, так что едва успокоившееся сердце опять словно холодной рукой стиснуло.

— Я не убивал Лизу!

— Леонид Витальевич, давайте не горячиться. — Михайлюк старался говорить спокойно, медленно, чтобы смысл его слов доходил до взволнованного артиста, сидящего напротив в комнате для допросов. — Обстоятельства против вас. Ваши отпечатки найдены не только на ноже, что и так понятно, вы держали его в руках, когда приехала опергруппа. Ваши отпечатки по всей квартире. На выключателях, на столе, даже на чашке. Вы что, увидев убитую подругу, решили выпить чаю?

— Я не-не...

Леонид Витальевич осёкся. По спине побежал холодок, рука машинально потянулась расстёгивать воротник. Неужели опять? Нет, не может быть. Это просто невозможно через столько-то лет. Он замолчал, не закончив фразы, тем более что Михайлюк его и не слушал.

— Соседка подтвердила, что вы и ранее бывали в доме погибшей, а незадолго до убийства из квартиры доносились крики. Она и вызывала полицию на всякий случай. Бдительная бабушка. Ваш водитель утверждает, что после концерта сразу повёз вас в Бутово, высадил и уехал домой, вы его отпустили. По времени всё совпадает. Единственное, что остаётся непонятным, — мотив. Я предполагаю, что конфликт у вас произошёл на сексуальной почве?

Волк молчал, нервно водя руками по поверхности стола. Какая Лиза, какое Бутово!.. Он уже не мог думать ни о чём

другом. Только не это. Если оно вернулось, это конец всему... Нет, так не может быть! Боря, нужно срочно позвонить Боре. Появится Карлинский — и всё сразу будет хорошо.

— Леонид Витальевич, ну всякое бывает, я понимаю. Знаете, сколько я подобного на своём веку повидал? Поругались, покричали, побили посуду, дошли до нужного градуса. Мужик бабу толкнул, она головой об угол ударилась, и всё, получите труп. Ножом — это реже, конечно, ножами обычно наоборот, бабы мужиков протыкают. Бытовуха — она со всеми случается, и с простыми, и с известными. Но известным-то полегче. Вы сейчас чистосердечное напишете, объясните, как что было. Подтвердим вам состояние аффекта, у нас судебный психиатр — мировой мужик. И наверняка ваш поклонник. Да что я говорю, вас же все знают! Да все будут на вашей стороне! Может, эта курва вам изменяла, а? Может, вы её с молодым застали? Тогда аффект вообще ничего не стоит подтвердить!

Волк резко вскинулся, посмотрел на следователя в упор:

— М-мне не из-из-из...

И снова замолчал. Теперь в его глазах плескался настоящий ужас. Да, оно вернулось. Господи, нет, пожалуйста, нет!

— Вы поймите, вас же на деле никто не посадит. Аффект, убийство по неосторожности. Плюс возраст и все ваши заслуги вкупе с чистосердечным. Да любой присяжный вас оправдает. Ну будет условный срок. И тихо всё сделаем, чтобы скандала избежать, мы же понимаем, вы человек публичный.

Михайлюк всячески хотел замять это дело, насколько вообще можно замять сто пятую статью. Ему было искренне жаль заслуженного старика. Ведь ясно же, что не преднамеренное, вон как его трясёт. Мало ли что там произошло. Может, у него не получилось, а девка импотентом

обозвала. Ну у него в мозгах что-то и замкнуло. И что ж теперь ему жизнь ломать? Но все обстоятельства были против Волка, и сам он как в рот воды набрал. Хоть бы изложил свою версию произошедшего, так нет, сидит, дёргается, только глазами сверкает и седой башкой мотает.

— Ну что, Леонид Витальевич? Будем признательную писать?

Волк вдруг начал сползать по стулу.

— Мне не-не-не хо...

То, что ему нехорошо, Михайлюк и сам догадался. И сориентировался быстро.

— Петро! — крикнул он кому-то в коридор. — Давай сюда! Бегом! Вызови доктора!

Леонид Витальевич отрицательно замотал головой, но на него никто не обратил внимания.

— Сейчас позовем. — Огромный, сильно смахивающий на орангутана в форме Петро сохранял полную невозмутимость. — Романыч почти даже трезвый, я его час назад видел.

— Иди ты к чёрту со своим Романычем! Нормального доктора вызови, гражданского. Лучше, — Михайлюк с сомнением посмотрел на трущего грудь певца, — кардиолога. А артиста в наш «вип-номер». Одиночный. И деликатней, Петро, деликатней. Это ж не обычный наш контингент.

— Да знаю я, — вздохнул Петро и осторожно, хотя и без малейшего усилия, приподнял Волка. — Вставайте, пошли.

Леонид Витальевич поднялся. Ему уже было всё равно куда и зачем. Ноги подкашивались, голова кружилась, но хуже всего — не слушался язык. Он вышел в коридор, сопровождаемый конвойным, который, впрочем, его не держал, а поддерживал насколько мог аккуратно, под руку.

Но, едва сделав шаг, он нос к носу столкнулся с человеком, которого меньше всего ожидал тут увидеть.

Не медля ни секунды, Натали с ходу залепила ему пощёчину.

— Сволочь! Козёл! Доигрался? Сколько можно, Лёня? Сколько, я тебя спрашиваю, можно?

Пощёчина у неё получилась славная, аж голова мотнулась в сторону. Петро профессионально дёрнулся, но Волк его остановил жестом, показывая, что всё в порядке.

— Вы кто, женщина? И как сюда попали? — возмутился конвойный.

— Жена я его, вот кто! И меня сюда вызвали среди ночи! — завизжала женщина. — Я в чём была лечу к вам, а вы спрашиваете, кто я такая?!

Петро озадаченно разглядывал нарядную дамочку в вечернем тёмно-зелёном платье, туфлях на высоком каблуке, с сумочкой в тон и при полном макияже, пытаюсь понять, откуда она тут материализовалась. Волк же стоял с обречённым видом и молчал.

— Меня по телефону уже спрашивают, не знаю ли я Елизавету Петрашевскую! — продолжала орать дамочка. — Нет, я её не знаю! Кто это, Лёня? Очередная из твоих потаскух? И что ты натворил? Почему ты здесь? Она что, несовершеннолетняя? Знаешь, это последняя капля! Я с тобой разведусь! Что ты молчишь?! Сказать нечего?

— Не-не-не...

— Ой, не начинай, пожалуйста! Не надо разыгрывать спектакль, что тебе плохо и все должны вокруг тебя бегать. Меня ты этими фокусами не проведёшь! Похотливая скотина!

Волк развернулся и сам пошёл по коридору, благо тут было только одно направление. Петро, опомнившись, за секунду его догнал. Натали ещё что-то кричала им вслед.

— Супруга, — понимающе то ли спросил, то ли констатировал конвойный. — Бабы кого угодно в гроб загонят. У меня такая же.

* * *

Наконец-то его оставили в покое. Приглашённый врач пытался выяснить, чем Волк болеет, на что жалуется, но, так и не получив внятного ответа, разобрался сам — уже побелевший, трёхлетней давности, но всё ещё хорошо заметный шрам, идущий через всю грудь, мог рассказать гораздо больше, чем его заикающийся обладатель. Доктор посетовал, что нет кардиографа, измерил давление и дал какие-то таблетки. Волк их взял, но пить не стал, на дальнейшие вопросы о самочувствии утвердительно покивал, и от него отстали. И вот теперь он лежал в одноместной камере с болотно-зелёными крашеными стенами на узкой и скрипучей кровати с таким же болотно-зелёным казённым и дурно пахнущим одеялом. Единственное в комнате окно было зарешёчено, красноречиво свидетельствуя, что здесь ты не просто больной, ты — зэк. И не расслабляйся. Все эти вежливые «Леонид Витальевич» и «вы» — не более чем игра в доброго следователя, чуть ли не поклонника артиста. А вот запоры на металлической двери звякнули весьма натурально. И жрать тебе, Леонид Витальевич, принесут сегодня в жестяной миске, если вообще принесут.

Но не это, совершенно не это занимало сейчас его мысли. Все ужасы сегодняшнего дня, начиная с окровавленной Лизы и заканчивая бьющим в глаза светом в комнате допросов отступали перед диким, звериным страхом — оно вернулось. Спустя четыре десятка лет! Сейчас, когда он ожидал от жизни каких угодно неприятных сюрпризов: потери голоса или угасания зрительского интереса, проблем

со здоровьем и естественного ухода близких людей, импотенции, в конце концов. Ожидал и внутренне себя готовил. Какие-то ожидания оправдывались, какие-то, к счастью, нет. Он пока что был востребован как артист, а голос, хоть и не звучал как в молодости, но всё же оставался вполне приличным, даже приобрёл новые бархатистые оттенки. Да и с женщинами, слава богу!.. Но это! Вот чего он совершенно не предполагал. И что могло в один миг перечеркнуть всё, чего он так упорно добивался на протяжении всей жизни!

Телефон у него не забрали. Тоже, видимо, из уважения. Но звонить по нему он всё равно не мог, а эсэмэсками пользоваться не умел. Ещё прочитать получалось, а набрать уже нет. Впрочем, ведь Борьке можно и так позвонить, он всё поймёт.

Щурясь без очков, он кое-как отыскал нужную запись, нажал вызов. Карлинский ответил не сразу, но Волк долго ждал и наконец услышал знакомый, нарочито ленивый голос.

— Весь внимание, Леонид Витальевич.

Клоун. Но Волку сейчас было не до смеха.

— Бо-бо-боря! Бе-бе-бе-еда!

В общем-то, этого достаточно. Даже первого слова было бы достаточно, чтобы Боря всё понял. Уж кому понять, как не ему.

— Ты где? — отрывисто уточнил разом посерьёзневший Карлинский на том конце.

— В СИ-СИ-СИЗО. Бу-бу-бутовском.

— Что случилось? Лёня? Пой, твою мать.

Со стороны их разговор мог показаться диалогом двух сумасшедших. Но душевным расстройством никто из них не страдал.

— Не-е мо-огу, Бо-оря. Мне пло-охо.

Он всё-таки пропел эту фразу. Тоже не шибко здорово получилось, и куда былой опыт делся!..

— Я приеду, Лёнь. Сейчас же. Держись, старик, и не нервничай!

Леонид Витальевич положил телефон. Хорошо, когда не надо ничего объяснять. Хорошо, когда есть настоящий друг. В его мобильнике, наверное, с тысячу номеров. Коллеги, приятели, спонсоры, чиновники всех мастей. Есть даже парочка бандитов. А позвонить можно только Карлинскому. Хотя, наверное, у какого-нибудь замминистра МВД, который песни Волка «с детства знает», куда больше вариантов его отсюда вытащить. Но замминистра МВД не поймёт ни слова из его нынешнего невнятного бормотания да и не захочет понимать. Просто повесит трубку, решив, что Волк нажрался или кто-то его разгрызает. Он знает совсем другого Волка — успешного, обаятельного, заливающегося соловьём на концерте и травящего анекдоты на последующей пьянке. И только Борис знаком с Лёнькой, мальчишкой с Ворошиловской улицы, до уровня которого Леонид Витальевич сейчас стремительно деградировал.

Борька жил на другом конце Москвы и даже не в городе. Если повезёт и не будет пробок, доберётся часа через два. А потом... Что будет потом, он даже представлять не хотел. Дождаться бы Борьки. А пока хорошо бы подремать, если удастся, конечно.

Не удалось. Стоило прикрыть веки, перед глазами тут же встала картинка из далёкого детства.

* * *

Первое детское воспоминание Лёни — мёртвый дельфин. Он лежал на берегу и смотрел остекленевшим

взглядом куда-то в пустоту. А вокруг него столпились женщины, которые громко спорили.

— А я говорю, нужно его сдать! — кричала одна. — Это же государственная собственность.

— В госпиталь отнести надо, пусть солдатики наедятся! — причитала вторая.

— С ума посходили? Петровна, ты чего голосишь? У тебя что, дома дети не голодные? А ну, быстро рты закрывали. Сейчас разделим на всех, никто ничего и не узнает.

Это бабушка. Лёня ещё не понимает, почему она ругается и что значит «разделим». Ему просто жалко мёртвого дельфина. Бабушка сказала, что он сам выбросился на берег и поэтому погиб. Лёня сидит на корточках возле дельфиньей головы и ждёт, когда они с бабушкой пойдут собирать мидии. Они пришли на море за мидиями, которые растут на бунах. Бабушка заходит в воду по пояс и срезает мидии большим ножом. А Лёня играет на берегу, строит из камушков домики и мечтает, как вечером бабушка сварит из мидий вкусный суп. Но сегодня бабушка словно забыла про мидий, теперь её интересует дельфин.

Бабушка достаёт свой нож и проводит им по дельфиньему боку. На камни течёт кровь, Лёня в ужасе отворачивается. Кто-то из женщин ахает, но Серафиму Ивановну это совершенно не смущает. Лёнина бабушка — хирург, военный хирург. Она работает в госпитале. Ей не жалко дельфина. Женщины моют куски дельфиньего мяса в море и прячут по сумкам. Женщин много, и от дельфина совсем ничего не остается. Лёня не смотрит, но его всё равно тошнит от странного запаха.

— Пошли. — Бабушка берёт его за руку. — Пошли домой.

— А мидии?